

том наблюдения является перевод примет и паремий. В целом показано, что эти средства художественного языка повести не представляют особой сложности для перевода. Сложности возникают лишь в коммуникативном плане, например при переводе односоставных структур. Так, при переводе обобщенно-личного предложения русского языка неопределенно-личными структурами немецкого языка утрачивается обобщенность значения: *...потрешь сопель на кулак, пока вырастут – Bis man die groß hat, wischt man sich noch oft den Rotz mit der Faust ab*. Безусловно, это ведет к искажению ДЯКМ, хотя само явление типично в рамках художественного перевода.

В заключении авторы приходят к вполне закономерному выводу, что диалектная картина мира, представленная в повести В.И. Белова «Привычное дело», при переводе в значительной мере редуцируется и трансформируется, так что в план восприятия носите-

О.И. Литвиникова
доктор филологических наук, профессор
Каменец-Подольский, Украина

РЕЦЕНЗИЯ НА ГЛАВУ: ИЛЬИНА Е.Н., ФИШЕР Н.Л. ПОВЕСТЬ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА // ПОВЕСТЬ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» КАК ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ. ВОЛОГДА: ИП КИСЕЛЕВ А.В., 2016. С. 125–160

Названная коллективная монография посвящена рассмотрению одного из наиболее значимых произведений деревенской прозы второй половины XX века, воплотивших в себе особенности региональной культуры. Многоаспектное исследование повести, вне всякого сомнения, будет способствовать углублению представления не только о содержании, но и ее художественном своеобразии.

Не умаляя роли и ценности всех семи глав, составивших монографию, остановимся на одной из них, посвященной проблемам художественного перевода.

Глава четко структурирована: состоит из введения (с. 125–130) и скрупулезного анализа лексического компонента ДЯКМ в повести «Привычное дело» на основе выделенных авторами тематических блоков: «Время» (с. 131–135), «Пространство» (с. 135–141), «Субъекты диалектной картины мира» (с. 141–154), «Символика в повести В. Белова “Привычное дело”» (с. 154–160), где основной акцент сделан на переводимости самих единиц и – как следствие – степени реконструкции или искажения ДЯКМ в тексте перевода; закономерных выводов.

Одну из проблем перевода текстов с локальным колоритом Е.Н. Ильина и Н.Л. Фишер связывают с осмыслением переводчиком ЯКМ автора оригинального текста, посредством чего реконструируется ментальная картина мира жителя того или иного региона. Поскольку специфика ЯКМ требует особого внима-

ниями другой культуры она попадает в значительной степени обобщенной.

О работе в целом можно сказать, что она, безусловно, заслуживает внимания. Очень интересен диалектный материал повести, выявленный и описанный авторами. Также интересны выводы относительно идиостиля В. Белова в использовании диалектных средств языка и изображении ДЯКМ. Новыми являются сведения о специфике языковой картины мира языка оригинала и языка перевода, полученные при анализе художественного перевода повести В. Белова «Привычное дело». Материал исследования может иметь лексикографическое продолжение – в виде словаря особого типа, ориентированного на возможности перевыражения индивидуального словоупотребления в оригинале на другой язык. Наконец, проведенное исследование, несомненно, вызовет интерес не только лингвистов, но и переводчиков.

авторами главы дано определение ЯКМ и подробно рассмотрены два различных подхода современной лингвистики к исследованию ЯКМ, логично придерживаясь *второго* из них, опирающегося на основные положения немецкого философского языкознания и учитывающего при анализе отдельные этнолингвистические особенности русского и немецкого языковых коллективов. Несмотря на то что русский и немецкий языки по своему историческому развитию находятся в относительно близком родстве (индоевропейская семья, синтаксически-аналитический тип) и диалекты играют важную роль в каждом из названных языков, их диалектное пространство таит в себе значительные различия. Прежде всего, перевод произведений с диалектизмами требует от переводчика особо кропотливой работы, «двойного перекодирования» – с диалектного на общелитературный язык, затем на язык перевода с неперменным условием передачи диалектной специфики.

В числе объективных и субъективных факторов успешного перевода авторы главы подробно анализируют степень знакомства переводчиков с русской культурой (перевод романа «Кануны» Э. Арндтом, изучавшим русский язык в университете, и перевод повести «Привычное дело» Х. Ангаровой, проживавшей в России и имевшей возможность погружения в культуру переводимого ею произведения), характеризуют специфику каждого из переводов. Первый –

стройная система отражения быта русской деревни за счет утраты значительной части элементов ДЯКМ, но без разрушения художественного и эмоционального мира писателя; второй – стремление познакомить немецкого читателя с деталями традиций россиян, в частности вологжан, отчасти запутывая смысл переводимого: *Nach alten russischen Kirchenbrauch wurde der vier zigste Tag nach dem Tod gefeiert* – с нарушением общего трагического тона переводом «*празднуют сороковой день*» и под.

Отмечая, что субъективный компонент перевода не влияет в значительной мере на общие факторы наложения «ячеек» ЯКМ, авторы главы рекомендуют учитывать его при анализе переводимости ДЯКМ на иностранный язык и обстоятельно описывают, что должно быть непременно учтено при концептуальном и сравнительно-сопоставительном анализе в процессе перевода с одного языка на другой:

1) утрата некоторых компонентов значения, различия в КМ носителей языка оригинала и языка перевода (переводной эквивалент либо вообще отсутствует: *волок, осек, овинник, отводок, став*, либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит компонентов значения, являющихся для данного слова специфичными: *волость, целок, обряжать, ростанная, давеча, нонче, надьсь*);

2) различия в значении и функционировании диалектов в России (диалектные элементы включены писателем в структуру общезыкового повествования для решения определенных художественных задач) и в Германии (где существует региональная литература на диалекте) делают фактически невозможным, недопустимым использование при переводе диалектных слов;

3) при решении двух разнонаправленных задач: передать информацию максимально близко к оригиналу и сохранить стиль авторского повествования, аутентичности речи персонажей произведения и адаптировать (или разъяснить) отдельные фрагменты оригинала для лучшего понимания иноязычным читателем переводчик дополняет информацию: *В. Теркин – выдуманный персонаж поэта Твардовского* – с целью заполнения «ячейки» незнания необходимой информацией: *Мишка не стал доказывать Федору, кто такой Василий Теркин, и только хитро кривил губу – Mischa unter flieges, Fjodor darüber auf zuklären, dass Wassilij Tjorkin eine er fünden Gestalt des Dichters Twardowski war. Er feixte nu rironisch.*

Реконструкция той или иной ЯКМ, осуществляемая на синхронической основе, в идеале предполагает одновременный охват всей содержательной стороны описываемого языка (любой язык – равноуровневое образование, состоящее из «ряда подсистем, каждая из которых заключает в себе свою картину мира»).

Фонетические особенности ДКМ, фрагментарно представленные в повести В.И. Белова, при переводе или утрачиваются (*дай-ко, гли-ко*), или передаются средствами разговорного языка (стяжение, редукция гласных): *grut – sagste (sagstdu), sevodni – heut*. Или: *Нет, не похоже на дождь. Касатки, вишь, под самое небо ударились – Steht nicht so aus. Die Schwalben fliegen hoch* (диалектная форма *дождь* при переводе опущена). Иногда незнакомые переводчику особенно-

сти диалектной речи транслитерируются (*ветеринэр – Veterinärin*) или передаются созданными словоформами с размытым толкованием, что позволяет считать перевод адекватным.

Убедительно, подробно описаны и прекрасно проиллюстрированы изъяны перевода единиц морфолого-грамматического уровня.

«**Время**» (с. 131–135) содержит тщательное описание «наивной картины мира», в повести В.И. Белова представленной временными характеристиками ДЯКМ (времена года и более детальное их членение, связанное с номинациями хозяйственных мероприятий: *до навозной бы успеть, межумолоки*; периодов праздников, наполненных традициями: *святки, масленица* и т. д.).

Временной промежуток *день* также членится в соответствии с перечнем типичных занятий человека, его наблюдениями за явлениями природы и поведением животных. Доминирующими составляющими именованного *день* являются *утро* и *вечер*, связанные с характером занятости человека, как и другие темпоральные номинации: *до первых (вторых) петухов, завтрак, вставай чаевничать, обед, сумерки, паузна*, имплицитно описываемые: *около печи гоношится – wirtschaftet im Haus; обрядить беспризорных телят* – в переводе передана относительно механическая деятельность утром и/или вечером – «побаловать телят».

Описание явлений природы без использования однословных темпоральных единиц, как правило, оброчно, насыщено тропами, что облегчает возможность поиска эквивалентов для перевода, но может быть чревато для структуры высказывания: *в последней синеве дня плавают касатки – Schwalben jagen hoch im letzten Blau* (в переводе опущено слово *день*).

Особую трудность для перевода составляют выражения типа *еще баба девкой была* (в русском языке за именованными *баба* и *девка* закреплены названия отрезков времени, связанные с точностью и краткостью, сообщающие описанию динамичность). Перевод на немецкий язык – *eure Großmutter war dazumal noch ein Sprung junges Ding* – содержит удлинённый текст, где лексема размытого значения *Ding* и дополнительные эпитеты для усиления эмоционального компонента, но динамичность утрачена.

В качестве не менее сложных для переводчика показаны обозначения временного дейксиса, представленные диалектными лексемами: *к завтраму, нонче, вдругорядь*, перевод которых осуществлен по энциклопедическому описанию и контексту с привлечением наречий разговорной речи, что «съедает» диалектную специфику.

Тщательный глубоко содержательный анализ блока «**Время**» позволил авторам главы заключить, что значительных трудностей с переводом темпоральных единиц не возникает, а отдельные искажения временного сегмента ДЯКМ обусловлены различиями отраженной в лексике языка перевода его этнокультурной традиции.

«**Пространство**» (с. 135–141).

Теоретическое положение о том, что ситуация с характеристиками пространства иная, по сравнению с темпоральными единицами, будучи обусловленной

значительными расхождениями в реальной действительности бытия двух этносов: огромные территории, заселяемые русскими, вызвали к жизни отраженную в лексике детализацию именовании сегментов пространства, утилитарную конкретность номинаций строений, иное структурирование хозяйства – все это нашло отражение в оригинальном тексте повести В.И. Белова, подтверждено анализом именовании географических объектов (*лес, поле, река*) и их составляющих (*опушка, поляна, луговина, отруб* – ‘холм, возвышенность’ и т. д.).

Все сильные и слабые стороны перевода показаны на примере лексем *волок* – ‘лесная гужевая дорога, расстояние между двумя населенными пунктами, отрезок пути, лес’ и *колдобоина* – ‘выбоина, рытвина, яма с водой’.

Тщательно проанализированы именовании природного пространства, измененного человеком для сельскохозяйственной деятельности, представляющие особые сложности для перевода (*клевернице, пожни, шипяки; гари, подсека, осек; прозористые межи, межевой чащобник*), именовании жилищ и хозяйственных построек с немотивированной (*хлев*) и мотивированной внутренней формой (*стайка, конюшня, сеник, навозник, дровяник*).

Если ИС *хлев* переведено обобщенным *Stall-Raum für Tiere*, а в отдельных, обусловленных контекстом случаях – с дополнительными характеристиками по типичной для немецкого языка модели словосложения: *Pferde-Stall, Winterstall*, то отсутствие в системе немецкого языка слов для единиц второй группы замещают в переводе описательные конструкции, созданные по метонимической модели («называние содержимого вместо сосуда»): *im Heuverkrochen* – ‘в сене’, *im Mist waten* – ‘в навозе’, *sich auf die Holzscheite legen* – ‘на поленнице’.

Показаны сложности перевода названий частей жилого строения: *сени, ворота, повесть, мост*, когда при переводе (как видно из текста) детали опущены или же переданы близкими по значению лексемами: *Flur* – ‘коридор’: и он очутился *на полу за дверями*, таким же путем оказался *в сенях* и Мишка – *Er fand sich im Flur auf dem Boden*.

Специфика, связанная с несовпадением объема понятия в русской и немецкой языковых картинах мира, рассмотрена на примере перевода *двор* – ‘открытое пространство возле дома; хозяйственная постройка, пристрой к дому с помещениями для скота и хранения отдельных сельскохозяйственных продуктов; крестьянское подворье в целом’. Отсутствие в семантическом объеме лексемы немецкого языка *Hof* компонента ‘строение для скота’ выражено разным переводом слова в сходных контекстных ситуациях.

Проблемы в переводе вызывают и именовании утвари крестьянского быта: *очеп, рыльник, батог, патачина*. Все они, не имеющие эквивалентов в немецком языке, переведены интуитивно.

Многоаспектные тонкие наблюдения позволили Е.Н. Ильиной и Н.Л. Фишер определиться в том, что при переводе единиц, называющих и характеризующих пространство, диалектный компонент ЯКМ оригинала в значительной степени нивелируется, поскольку он, будучи насыщен специфическими имено-

ваниями северной русской, вологодской традиции, отражает мировосприятие, структурирование, свойственное крестьянину Вологодчины, непонятное иноязычному читателю. Наложение картин мира оригинала и перевода выявляет наличие многочисленных ячеек-пробелов, которые переводчик заполняет близкими по семантике, более общими именованями или переводит описательно.

«Субъекты диалектной картины мира» (с. 141–154).

Авторами выделены актуальные для ДКМ составляющие, определяющие субъектную сферу названия людей и животных, их характеристики, способы действия, создающие определенные проблемы для переводчиков, в задачи которых входит не только поиск эквивалентных знаков языка перевода, но и использование различных форм адаптации этнокультурной информации текста для иностранного читателя. Показано это на примере патриархальной крестьянской семьи, определяемой в повести как довольно обширная смысловая единица *родина* с гибкими границами: *земельники, соседские, братья*, перевод которых подчинен логике повествования ‘от общего к частному’: *Nachbarsleute, Nachbarsbruder*. Существующая в семье строгая иерархия обладает и пользуется своими кодовыми языковыми единицами для описания бытовых действий (*обрядиться*) и закрепленными во фразеологии традициями жизнеустройства *через сноп не молотят* – ‘младшую дочь не выдают замуж раньше старшей’ – *über die Garbe drescht man nicht* (дословный перевод не активизирует метафорическое толкование в сознании немецкого читателя). Ядро сегмента *семья* составляют наименования кровного родства: *мать, свой*. Многочисленные производные от них созданы словообразующими суффиксами, что влечет за собой немало проблем перевода, решение которых осуществляется за счет нивелирования или транслитерации (*мамка, мамушка – Mutter, die alte Mutter, Matuschka*); тонкие оттенки значений многих терминов родства, особенно – не несущих важной характеристики ДЯКМ, – *теща, деверь* и под. утрачиваются. Номинации представителей старшего поколения – *бабка, бабушка, дед, дедушка* – перенесены в иноязычный текст без изменений или опущены (последнее авторы главы рассматривают как своего рода произвол переводчика). Лишь частично переведены именовании точной степени родства: троюродная *сестра, братан: Großcousine, eine Verwandteoder Grades* (‘родня в третьем-четвертом колене’), *irgendeine Tantevonmir*; диалектное именование крестного отца – *божат* не переведено вообще, что искажает ЯКМ: *...у меня в Воркуте божат у правдом – In Workuta kenne ich ein en Hausverwalter*. Иноязычный читатель не замечает этой редукции, но лексема *божат*, являющаяся неотъемлемой частью локальной КМ вологжан, не знакома широкой аудитории и нуждается в объяснении.

Рассмотрены имена собственные в их многочисленных вариантах, не являющиеся в строгом смысле элементами ДЯКМ, представляющие тем не менее интерес для перевода. Модифицированные посредством суффиксов, в переводе они представлены минимумом вариантов, допускаемых системой суффик-

сов для имен собственных в языке перевода: *Нюшка, Аннушка, Анютка, Ванюшка, Иванушка – Anka, Annuschka, Anjutka, Ivanuschka, Ivan*. Различия в «эмоционально-оценочных» суффиксах двух языковых систем компенсируются лексемами с демиинутивным *-chen*: *ребятешки, бабуцы – Kinderchen, Weiberchen, старичонко Куров – der alte klapprige Kurow*.

Для именования молодых людей: *девки и робята* в обоих языках используются единицы в форме парного фразеологизма с различным порядком расположения компонентов. Авторы рецензируемой главы предположительно видят в этом проявление глубинного концептуального строения ЯКМ, где в русской этнотрадиции ведущая роль отведена женщине, а в немецкой – мужчине (данная специфика отражения мира в категории рода ИС зафиксирована и в именах существительных *смерть* (ж. р.) и *der Tod* (м. р.)). Подчеркнуто, что изображение *мира женщины* в повести «Привычное дело» с ярко выраженной национальной и территориальной специфичностью в тексте перевода сопряжено с решением целого ряда проблем как внутри-, так и экстралингвистического характера, и скрупулезно проанализировано почти все, что связано с этим миром; перевод номинаций женских персонажей повести – общих (*девка, баба, бабуца, женка* и др.), персональных (*Катерина, Естолья, Степановна, Дашка, Маруся*), описательных (*молчаливая девка из дальних заозерных мест* и др.); системы речевых модификаторов, календарных имен, прозвищ (*Путанка, Путанка лешева*), фразовых номинаций (*та, что в сапожках ходит*) и т. д. с не вполне адекватным переводом с русского языка на немецкий в силу типологических различий в системе внутрисловных и аналитических средств экспликации оценки, в то время как перевод фразовых номинаций отличается высокой степенью адекватности.

Авторами отмечен ряд тенденций, правил, которым следует переводчик при описании деталей внешнего облика женщины, ориентированного на ее роли и функции в крестьянской деревенской жизни (*здоровье, сила и работоспособность, материнство*). Характеристики женской красоты в повести, отчасти архаичные для современного читателя, передаваемые диалектными словами, звучащими просто и грубовато, одновременно придающими описанию особую поэтичность. Переводчик в стремлении передать именно эту поэтичность использует единицы разговорного языка. В отличие от восторженно-поэтического описания в повести деталей крестьянских канонов женской красоты, иронично изображены отклонения от идеала: *Добра девка, только ноги дома оставила. Нету, значит, ног-то почти. Как палочки*. Или: *Эта Верка и под гору с батогом ходит*. Конкретность сравнений и метафор, разговорный тон повествования позволяют адекватно передать значения отдельных лексем и смысл всего высказывания в языке перевода.

В переводе единиц, называющих предметы женской одежды и обуви как неотъемлемые детали женского образа (*фуфайка, сарафан, косынка, бумажный платок, резиновые сапоги, боты, катаники*), используются близкие по виду и форме элементы, нередко устаревшие, известные в отдельных районах Герма-

нии с разным семантическим наполнением, потому размытые в своем значении, – «гештальт-слова». Диалектная картина мира искажена желанием переводчика приблизить понимание фрагмента текста носителю языка перевода. Заметные искажения в сфере именованной женской одежды обусловлены отсутствием эквивалента в языке перевода по причине расхождения «предметной традиции культур».

Комбинация фонетических, морфологических и лексических компонентов ДКМ, умело использованная в повести «Привычное дело» при создании речевого портрета персонажа (старик Куров): *Опеть, чуешь, буржуазники-те шалят с бонбой, а наши прохамкают опеть. Вся земная система в таком напряженье стоит, а наши хамкают*, при переводе сохраняет лишь разговорный стиль общения и отдельные элементы народного словотворчества (*буржуазники-те – Kapitalisten*), утрачивая фактически все локальные единицы: глагол *прохамкают* заменен ФЕ *gucken die Löcher in die Luft* ('в небо пялятся'), *хамкают* – эмоционально-окрашенной грамматической структурой *tunalswärnicht* ('делают вид, как будто нет ничего'), – это дает основание авторам главы для вывода о стирании фонетических особенностей и характеристик речевого портрета персонажа, как и о том, что фонетический элемент ДКМ, активно используемый В.И. Беловым, является наиболее нестабильным и при переводе утрачивается. То же и с диалектным словообразованием: *Забыл, куда портки оклал... оберни поминальник от греха*. – Передать специфику префиксальных глаголов аффиксами немецкого языка невозможно.

Все неизбежные разноаспектные изменения ЯКМ авторы главы справедливо связывают с различиями в развитии и формировании систем русского и немецкого языков, доставляющими немало хлопот при переводе.

«Символика в повести В. Белова “Привычное дело”» (с. 154–160).

Перевод описанных в повести традиций и примет жизни северного крестьянина, отражающих опыт общения с внешним миром, преодоление сложностей быта при сохранении веры и надежды на лучшее с иллюзией возможности заглянуть в будущее проанализирован в рецензируемой главе на основе сказки о пошехонцах (пример воспитания детей посредством негативных примеров – отличается особым сочетанием воспитательного и юмористического элементов, когда дети учатся не только терпению, вниманию, но и размышлению), которой в повести отведено самостоятельное место, а инициатива рассказчика передана одному из персонажей, создавая аутентичный в своей диалектной форме фрагмент отражения бытия северной деревни с особым вниманием к деталям описания быта – описанию жилья, утвари, одежды, действий жителей внутри деревни и контактов с соседями, как и характеристике персонажей. Язык сказки отличается образностью и фразеологичностью (*кое-как – mit Ach und Krach*), простой структурой предложений, синтаксическим параллелизмом. Внимание сконцентрировано на именовании персонажей: *пошехонцы – die Poschechonjer*. Само слово *Пошехонь* было символом (и синонимом) захолустья, а *поше-*

хонцы – в русском фольклоре считались туповатыми и недалекими героями многочисленных анекдотов, лубочных картинок: *глупцы для кур; тащат корову на крышу пастись; вгоняют палками лошадь в хомут; мужик рубит сук под собой*. Использовались и: *В трех соснах заблудились; За семь верст комара видели, а комар у них на носу сидел* и др.

В переводе повести имя существительное *пошехонцы* передано транслитерацией *die Leutschen von Poschehonje*, сохраняя тем самым аутентичность сказки, – ее пространственно-временную прикреплённость.

Подробно описан перевод примет, основанных на наблюдениях за окружающей природой, лишенных реальной логической зависимости бытия, не составляющих особого труда для переводчика, поскольку КМ оригинала доступна иноязычному читателю. В подтверждение приведен пример дословного перевода лексемы *ложка*, предмета-приметы смерти в семье (в обеих культурах *ложка* – сложный и дорогой предмет утвари, передававшийся (и передающийся) в семье по наследству). Примета *ложка лишняя стала* в немецкой культуре поддерживается эвфемизмом для ‘ухода из жизни’ – *den Löffel abgeben* (‘отдать ложку’) – перевод облегчает совпадение культурологических ячеек ЯКМ.

Тщательно проанализированы поговорки рифмованных форм, требующие от переводчика креативного решения: *Не было молодца побороть винца – Ist keinen so ein starker Mann, dass er den Schnaps bezwingen kann*. Для сохранения ритма, рифмы и разговорного стиля реплики в переводе использована инверсия с перемещением глагола в начало предложения. Лексема *винцо* в русской ЯКМ является знаком концепта ‘алкогольные напитки’, в то время как его словарный перевод *Wein* в представлении немцев ассоциируется с продуктом из ягод виноградной лозы, поэтому в переводе *Schnaps*.

Интересно описание перевода паремий русского языка, которые, благодаря многовековым контактам культур, нашли свое место в немецкой языковой традиции: *Дорога ложка к обеду – der Löffel ist teuer zum Mittagessen* (включена в словарь пословиц и поговорок немецкого языка с пометой «рус.» и объяснена: ‘о своевременности определенного действия’). Однако, несмотря на существование эквивалентного перевода, Х. Ангарова использовала собственный вариант: *A ведь дорога ложка к обеду, Леонид Павлович – Den Löffel braucht man dem Mittagessen, nicht hinterhen, Leonid Pawlowitsch*, что способствует усилению утилитарного (*brauchtman* ‘нужна’) и временного (*nicht hinterhen* ‘после’), соответствуя вектору направленности повествования на читателя иного культурного контекста и отвечая интенции переводчика. Эмоционально-фигуральные элементы переданы в иноязычном контексте соответствующими эллиптическими структурами предложений и эмоционально окрашенными восклицаниями с размытым ЛЗ, что отвечает

коммуникативной задаче повествования, адресованности контексту бытия читателя-адресата текста перевода.

Осмысление проблем художественного перевода повести В.И. Белова «Привычное дело» позволило авторам главы прийти к определенным логичным выводам:

- системные языковые отличия и несовпадение ментальных КМ носителей языков оригинального и переводного текстов осложнены собственно ментальными представлениями о мире в сознании сельских жителей Русского Севера;

- наибольшие потери при переводе, вплоть до утраты и/или нивелирования единиц, – в сфере фонетики и грамматики, что связано с особой ролью диалектов в немецком языке и отсутствием разговорно-диалектной грамматики в распоряжении переводчика;

- наиболее показательна для анализа лексическая сфера, демонстрирующая расхождения в этноспецифической ЯКМ, при этом собственно диалектные слова не вызывают особых сложностей при переводе в силу обусловленности контекстом художественного произведения (выбор лексемы языка перевода определяется не только близостью ее значения к оригиналу, но и соответствием контексту, что находит отражение в художественно оправданном нарушении последовательности и постоянства в именовании объектов). Отсутствие языковой единицы в языке перевода компенсировано метонимическим описанием или рефразированием;

- на успех перевода влияет стиль автора повести, что ставит переводчика перед фактом лавирования между задачами адекватности перевода и доступности смысла нового текста немецкоязычному читателю.

Авторы рецензируемой главы сожалеют о том, что ДКМ, органично представленная в оригинале повести «Привычное дело», при переводе в значительной степени редуцирована в план восприятия обобщенно понимаемой носителями другой культуры русской языковой картины мира.

Можно по-разному относиться к тому, *что* и *как* представлено авторами, спорить и не соглашаться с ними в чем-то, указывать на не всегда выдержанный стиль изложения, технические погрешности, закрапившие не только в рецензируемую главу, но и вообще в монографию и т. д. Однако бесспорно одно: в целом глава «Повесть В.И. Белова “Привычное дело” и проблемы художественного перевода» (Е.Н. Ильина, Н.Л. Фишер) являет собой основательное исследование вынесенной в название проблемы, раскрывающее закономерности и особенности перевода художественного текста с русского языка на немецкий язык, актуальное не лишь для теории и практики перевода, но и для общей семасиологии, теории вторичной номинации.

Нет сомнений в том, что рецензируемый труд будет полезен всем интересующимся вопросами перевода специфических текстов, обретет своих читателей и почитателей не только в Российской Федерации, но и за ее пределами.